

НАЧАЛО

МАРИНА

Марина, Марина, серебряная рыбѣна,
в глазах рябина — морская рябь.
Моя Марина, ты божья глина
и божья хрупкая благодать.

Как время точно — сквозь позвоночник,
сквозь век расстрелов и лагерей,
и в час урочный, и в неурочный —
в твоём стакане карандашей.

Иные, что там, простые клетки,
простые линии февраля.
Моя Марина на табуретке,
на табуретке вся жизнь моя.

И кто-то скажет: «Покойся с миром.
Войны не бойся, она пройдёт».
Как жаль, Марина, моя Марина,
как жаль твой русский большой народ.

И гвоздь на нитке, и гроздь рябины,
и письма-письма в один конец.
Лети, Марина, люби, Марина,
носи рябиновый свой венец.

2017 год, Донецк

Под луной восковые лица,
в спящем доме сипит Осип.
— Ну, здорово, хрустальный рыцарь,
что ты хочешь? — Позволь умыться
и две звонкие на папиросы.
Там, за лесом, большая лужа:
то ли озеро, то ли речка.
Ведь тебе не хватает мужа!
Мужикам для забавы — ружья,
а бабью подавай колечки.
У меня есть ещё слово,
у тебя есть желанье верить.
Поживём до виска седого,
а потом приводи любого...
Я останусь за красной дверью,
словно за борт слетевшая тапка
с корабля на сухую землю.
Это море — умеет плакать
и курчавить волну из ваты...
Я, мне кажется, не сумею
пресмыкаться, глядеть сквозь пальцы
на твои выкрутасы в нижнем —
что-то от первобытных танцев.
Там, за дверью, холодный карцер
и глазами: «Прости, так вышло...»

2012 год, Донецк

У меня был один учитель, теперь он мёртв.
Я гляжу, как пустые корыта заходят в порт,
и не вьются над ними чайки, пуст горизонт.
Я оставила ключ хозяйке /и на ремонт/.
Комнатушка моя изжита, постель пуста,
я считаю в порту корыта, сбиваюсь к ста.
Они трутся борт о борт деревом, вёсел хрип,
в зеленушной воде волнуются стаи рыб,
и, насколько хватает глаза, — сплошная взвесь.
Мой учитель умел учительствовать, как есть,
не ходил по воде, но мог вычерпать океан,
а потом поместить целиком океан в стакан.
И на стол поставить, чтобы я, подойдя к столу,
разглядела внутри стакана свою волну...
А теперь в порту я, приставив ко лбу ладонь,
всё ищу глазами среди незнакомых волн
ту, которую он показывал мне в стекле,
но вокруг лишь корыта, плывущие налегке.

2013 год, Венеция

И Нева не нова, и стихи под руками, как дети, ощущай этот город Петров по истёртым подошвам, я приеду сюда на рассвете в стеклянной карете, запряжённой четвёркою мраморных кошек. Мои руки сухи, мои губы подёрнуты словом, здравствуй, город, похожий на крейсер, ушедший в отставку. Эй, рыбак, поделись с иностранкой уловом или просто своею рыбацкою безрукавкой. Всё — вода, всё — Нева, всё — свобода и память блокады, мостовая скрипит, город машет мостами, как птица. Я влипаю зрачками в седые глухие фасады. О, Нева, я вхожу в тебя ровно по поясицу. Солнце севера, жги мою южную спину, ветер севера, гребнем своим причеши мои мысли. Здесь живёт его женщина — хладная дева Марина, боль его разведённой прокуренной жизни. Здесь живут его сны, его тень за дверями парадной на зелёной стене оставляет нам знаки и звуки.

Мы кормили коней возле Зимнего рафинадом, мы смотрели, как мост по велению науки вдруг вставал на дыбы, разделяя сушу и сушу, как огромный корабль лавировал между. Я отдам за тебя, мой хороший, бессонную душу, за одну лишь слепую надежду.

2018 год, Санкт-Петербург

Город-сон, город-сом.
От распахнутой пасти моста
до хвоста, что лежит, как на блюде,
на Невском.
Город — хищная рыба,
холщовое тело холста —
его серое небо.
Подпоясанный стропами,
струнами, ветками ив,
город смотрит на грязный залив,
ощущая не глазом, не ухом,
а сердцем своё отчужденье.
Древо жизни, на нём
то ли раненый белый налив,
то ли сладкий ренет,
то ли плод воображенья.
Гулкий звук,
когда где-то под ложечкой
мерно сосёт
костный мозг или мягкую плоть
мимолётная строчка.
Осенённый крестом,
он читает всю жизнь напролёт,
он такой же, как я, одиночка.
Он читает тебя и меня,
наши книги судеб.
Этот город ахматовский,
томный, промозглый.
И с небес его льётся
подтаявший свет.
И свистят вдалеке —
то ли кнут ямщика,
то ли влажные страшные розги.

2022 год, Санкт-Петербург